

УДК 821.161.1

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЭМИГРАНТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX-XXI ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С.ДОВЛАТОВА И Д.РУБИНОЙ)

Абдығалиева Марта Манарбекқызы

martaabdygalieva@gmail.com

студентка 4 курса образовательной программы «Учитель русского языка и литературы
в школах с нерусским языком обучения»

Атырауский университет имени Х. Досмухамедова, г. Атырау, Республика Казахстан

Научный руководитель – кандидат филологических наук, ассоциированный
профессор кафедры русской филологии Дутбаева. С. С

Аннотация: Цель статьи – анализ образа эмигранта в русской литературе XX–XXI веков на материале произведений С. Довлатова «Иностранка» и Д. Рубиной «Бабий ветер». В работе рассматриваются основные волны русской эмиграции и их специфика, трансформация оппозиции «свой–другой», а также мотивы ностальгии, утраты и адаптации. В результате исследования выявлена эволюция образа эмигранта: в современной литературе эмигрант всё реже осмысливается только как изгнанник, он представляет человека, живущего между культурами и заново определяющего свою идентичность.

Ключевые слова: русская эмиграция, образ эмигранта, волны эмиграции, идентичность, ностальгия, культурное пограничье.

Введение. В истории русской культуры есть явление, которое одновременно разрушало её и обогащало – это эмиграция. Вынужденная или добровольная, она на протяжении всего XX века выталкивала за пределы страны людей, чьи имена впоследствии становились символами русской словесности. Три нобелевских лауреата из пяти русских писателей и поэтов – Бунин, Пастернак, Бродский – прошли через опыт изгнания или преследований.

Понятие «эмигрант» (от лат. *emigrans* – «выселяющийся») обозначает лицо, покидающее свою родину [1], и фиксирует прежде всего внешнее, физическое перемещение. Внутреннее содержание этого опыта неизмеримо сложнее. Как отмечает Л. Д. Бугаева, в широком смысле «эмиграция сегодня рассматривается как одна из форм отчуждения наряду с экспатриацией, номадизмом и туризмом» [2]. Эмигрант оказывается в положении человека, у которого разом обесценились профессиональная биография, социальный статус и культурные ориентиры. При этом новая реальность не спешит предложить взамен ничего равноценного. Именно эта пропасть между утраченным и обретённым и становится главным материалом русской эмигрантской литературы.

Иван Бунин в своей парижской речи 1924 года формулировал природу эмиграции как сознательного отказа от примирения: эмигранты, по его словам, «так или иначе не приняли жизни, воцарившейся в России, были в том или ином несогласии с ней и, убедившись, что дальнейшее сопротивление грозит лишь бессмысленной гибелью, ушли на чужбину» [3]. В этой формуле не только психологический портрет первой волны, но и нравственная логика, которую с разными вариациями воспроизводят все последующие поколения.

Исторически русская эмиграция развивалась волнообразно, и каждая волна создавала свой тип литературного сознания. Первая волна, возникшая после революции 1917 года, была наиболее масштабной и культурно состоятельной. Берлин, Париж, Прага – эти города стали географическими точками, в которых складывалась «Россия в миниатюре»: со своей прессой, издательствами, литературными обществами. Г.П.Струве, описывая врангелевскую эвакуацию 1920 года как «девятый вал» [4, с. 27], подчёркивал одновременно стихийность и катастрофичность этого перемещения. Из двух миллионов уехавших после 1917 года

эмиграция создала не просто диаспору, а культурную систему, функционировавшую без государственной территории.

Старшие представители первой волны воспринимали эмиграцию как особую миссию. Известная формула «Мы не в изгнании, мы в послании» [5], приписываемая Мережковскому, выражает «мессианскую» установку, связанную со стремлением сохранить дореволюционные культурные нормы и ценностные ориентиры утраченного мира. Младшее поколение, включая Набокова, Газданова, Берберова, двигалось иным путём. Они не реконструировали «безнадёжно утраченное», а искали альтернативу отчаянию, впитывая импульсы западной литературы. В «Вечере у Клэр» Газданов превращает ностальгию из боли в ресурс внутренней организации; Набоков в «Машеньке» превращает движение к утраченной России в механизм освобождения от уныния.

Вторая волна, послевоенная, складывалась совершенно иначе. Её участников, «перемещённых лиц» (DP), объединяла не идеология и не культурная программа, а общая биографическая рамка лагерного транзита и угроза принудительного возвращения в СССР. Тематически это поколение сосредоточилось не на образе дореволюционной России, а на войне, лагерях, тоталитарном насилии. Главный поэт этой волны, Иван Елагин, у которого репрессирован и расстрелян отец, писал изнутри пережитого, а не по памяти о чужом прошлом.

Третья волна, «диссидентская», обнажила принципиально иной конфликт. Писатели 1970–80-х годов (Солженицын, Бродский, Довлатов, Аксёнов) формировались внутри советского культурного пространства и уходили не от революционной катастрофы, а от идеологического давления. Литература третьей волны тяготела к авангарду и постмодернизму, полемизировала с советской системой, но при этом оставалась с ней связанной органически.

Литература четвёртой волны, постсоветской, снова сменила параметры: эмиграция утратила характер вынужденного изгнания, стала добровольным культурным выбором, а сам эмигрант не «приговорённым к одиночеству изгнанником», но, по точному выражению М. Эпштейна, «челноком, снующим между двумя культурами, сшивающего собой их языковые ткани» [6].

Обсуждение.

В работе применены сравнительный и мотивный методы анализа произведений.

Писатель Сергей Довлатов относится к третьей волне русской эмиграции. Он эмигрировал в 1978 году после безуспешных попыток печататься на родине (редакции отклоняли его тексты). В США он стал главным редактором газеты «Новый американец» и обрёл читателей, но потерял ту советскую реальность, которая питала его прозу. Повесть «Иностранка» (1985) написана Сергеем Довлатовым в Нью-Йорке, городе, который стал для него второй родиной и вечной чужбиной.

«Иностранка» – не книга об Америке. Довлатов прямо говорил об этом: США здесь лишь фон, на котором проступает внутреннее состояние человека, выброшенного за пределы родной системы координат. Центр повести – маленькое пространство русской диаспоры в Квинсе, где воспроизведена «Россия в миниатюре»: русские магазины, парикмахерские, адвокаты, гангстеры и даже слепой музыкант. Этот замкнутый мирок одновременно спасает и душает своих обитателей.

Характеристика персонажей в повести строится по принципу лаконичного некролога прежней жизни: «Лёве Баранову за шестьдесят. Он бывший художник-молотовист» [7, с. 9]; «Еселевский был в Киеве преподавателем марксизма-ленинизма» [7, с. 10]; «В Союзе Зяма был юристом» [7, с. 13]. Каждая такая ремарка как прошедшее время, осколок биографии, которая больше не действует. В новой реальности советский диплом и советские заслуги не стоят ничего: человек вынужден начинать с нуля, и не всегда у него для этого есть ресурс.

Главный эмигрантский парадокс у Довлатова – это парадокс свободы. Герои годами стремились вырваться из советской системы, бороться с властью, противостоять давлению.

Но в Америке исчезает сам объект борьбы, и вместе с ним исчезает смысл существования. «Нечему было противостоять», – констатирует один из персонажей [7, с. 23]. Свобода, которой жаждали, оказывается пустым пространством без внутреннего наполнения: «На фиг мне свобода! Я хочу покоя...» [7, с. 113].

Довлатов предлагает несколько типологических портретов эмигранта. «Идейные» уезжают из чувства протеста, но за границей теряют ощущение борьбы. «Прагматики» стремятся к заработку и успешно обустроиваются. «Творческие» ищут свободу, но часто не адаптируются из-за языка и принципов. «Случайные» уезжают спонтанно и сталкиваются с необходимостью работать.

Но Довлатов намеренно размывает эти типы. Даже прагматичный, «успешно адаптировавшийся» персонаж сохраняет русскую ментальную черту, склонность к рефлексии, самоиронии, внутреннему сомнению. Эмигрант у Сергея Довлатова – это не социальная роль, а экзистенциальное состояние: человек, оказавшийся между двумя мирами и не принадлежащий ни одному из них в полной мере, это «лишний человек» в пространстве свободы.

Центральный женский образ повести, Маруся Татарович, уехала не из-за политики и не из-за нищеты: она эмигрировала потому, что так было «модно». Банальность мотива не отменяет серьёзности последствий. В Нью-Йорке её ждёт одиночество, тревога, раздражение: «Нью-Йорк внушал Марусе чувство раздражения и страха...». [7, с. 58]. И всё же именно Маруся, с её любовью к латиноамериканцу Рафаэлю, оказывается способной переступить границу национальной замкнутости, то, чего не может большинство мужских персонажей. В этом смысле её образ расширяет пространство повести: эмиграция здесь не только кризис, но и болезненная возможность выбора.

Ирония, главный инструмент Довлатова, не снимает драматизм, но создаёт дистанцию, позволяющую герою сохранять достоинство в унижительных обстоятельствах. Это защитная ирония как последняя опора внутренней свободы. Автор не осуждает своих персонажей и не жалеет их, он смотрит на них с тем же взглядом, каким смотрит на себя: понимающим, чуть насмешливым, неизлечимо грустным.

Дина Рубина принадлежит к другому поколению и другой волне. Родившаяся в 1953 году в Ташкенте и репатрировавшаяся в Израиль в 1990 году, она сама называет этот момент переломным, биографическим, творческим и личностным одновременно. Её эмиграция предлагает иной угол зрения – женский, исповедальный, насыщенный этнокультурно. Произведение «Бабий ветер» (2017) построено как серия писем Галины Резвиной писательнице, собирающей материал для книги. Эта эпистолярная форма не декоративна: она создаёт эффект доверительной беседы и, что важнее, устраняет авторский комментарий. Читатель слышит голос эмигрантки непосредственно, без посредников. Рубина сосредоточивается на вопросе женской эмиграции и трансформации оппозиции «свой–другой».

Героиня Рубиной, Галина, выросшая в киевской коммуналке, покидает родину не из-за политического давления или экономических расчётов. Её муж погиб в одном из полётов на воздушном шаре, и она просто не смогла вернуться на родину, к местам, пропитанным памятью о нём. Эмиграция как способ пережить потерю: не достижение цели, а бегство от боли. Эта мотивация задаёт особый тон всей повести, лишённый ностальгии первой волны, чуждый политического пафоса третьей.

Ключевым аналитическим инструментом для понимания образа Галины служит трансформация оппозиции «свой–другой». В детстве киевская коммуналка учила её различать культуры: рядом жили русские, евреи, украинцы, поляки и немцы, а повседневная речь представляла собой органичную смесь языков. Благодаря этому мультикультурному фундаменту граница «свой–другой» у Резвиной проходила не по национальному признаку, а по морально-этическому. «Другим» для неё было «жлобье», то, что она сознательно вытесняет из памяти.

В нью-йоркской жизни эта установка позволяет Галине легко выстраивать контакты с людьми самых разных национальностей, работая косметологом в Бруклине. Её клиенты – китайка Лили, индийские женщины, польская пани Мозалевска, мексиканка, армянская француженка – фигурируют в письмах с точной этнической маркировкой. Галина наблюдает, фиксирует различия, не превращая их в иерархию. Это принципиально другая позиция, нежели ностальгическая замкнутость довлатовской диаспоры.

Работа Галины в Нью-Йорке – косметолог в салоне красоты – типична для судьбы эмигранта первого поколения: высшее образование, работа в советской газете, парашютный спорт, и вот она делает депиляцию клиенткам в Бруклине. Рубина не приукрашивает эту деградацию, но и не драматизирует её сверх меры. Героиня сама иронизирует над своей «окаянной профессией»: «Не подумайте плохого, я работаю в органах» [8, с. 10]. Ирония здесь другая, чем у Довлатова: не защитная, а освобождающая, способ не зависеть от чужих оценок.

Вместе с тем ностальгия у Рубиной присутствует, только она иного качества. Галина тоскует не по политической системе, не по советскому строю, а по «онтологическому» прошлому: по молодости, по времени, когда она понимала правила игры, по человеческому теплу коммунальной квартиры. Её воспоминания избирательны: неприятное вытесняется, а лирическая память хранит коллективное тепло, которого так не хватает в индивидуалистической Америке. Описание приготовления холодца, которому в книге посвящена целая страница, это не кулинарный отступ, а ностальгия по утраченному ритуалу, по времени, когда еда была праздником.

Название повести несёт в себе точную метафору эмигрантского существования. «Бабий ветер» – редкий ласковый ветерок на Камчатке, в ожидании которого хозяйки держат бельё наготове: большую часть времени бушуют штормы. Эта метафора описывает саму структуру жизни Галины, жизни в ожидании редких благоприятных моментов среди неустойчивости и непредсказуемости. Примечательно, что до эмиграции Галина была парашютисткой и пилотом воздушного шара: полёт является её биографической метафорой свободы. Утрата этой свободы и поиск её новых форм составляют внутреннюю драму повести.

Заключение. Два произведения, разделённые тремя десятилетиями, сходятся в одном: эмиграция становится испытанием идентичности. У С.Довлатова герой утрачивает опору, а свобода оборачивается ощущением пустоты. У Д.Рубиной, напротив, героиня осваивает жизнь между культурами, превращая это состояние в ресурс. Это различие обусловлено также историческим контекстом: каждая волна эмиграции формирует собственный опыт. В результате образ изгнанника постепенно сменяется образом человека, существующего между культурными мирами.

Изучение эмигрантского образа в литературе остаётся актуальной задачей: миграционные процессы не прекращаются, а художественная литература продолжает быть наиболее чутким инструментом их осмысления, тем пространством, где личная судьба превращается в опыт, понятный каждому. Довлатов и Рубина каждый своим путём показали, что писать об эмиграции значит обращаться к одному из самых сложных вопросов, к тому, как человек сохраняет себя в ситуации, когда язык, место и привычный порядок вещей утрачивают устойчивость. Этот вопрос не утрачивает значимости. Пока существует граница между «своим» и «чужим», русская эмигрантская проза будет вновь и вновь к нему возвращаться, не предлагая однозначных решений.

Список использованной литературы:

1. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с.
2. Бугаева Л. Д. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. С. 51-52.
3. Бунин И. По материалам издания: Бунин И. Миссия русской эмиграции [Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.] // Бунин И. Великий дурман. – М., 1997. – С. 126–138. –URL: zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0076.htm (дата обращения: 20.04.2018).

4. Струве Г. П. Русская литература в изгнании : Краткий биографический словарь русского зарубежья. – 3-е изд., испр. и доп. / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский ; вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. – Париж ; М., 1996.
5. Душенко К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. — М.: Эксмо : ИНИОН РАН, 2011. — 1216 с.
6. Эпштейн М. Амероссия. Двукультурные и свобода : речь при получении премии "Liberty" / М. Эпштейн // Звезда. - 2001. - № 7. - С. 221-226
7. Довлатов С. Д. Иностранка. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 160 с.
8. Рубина Д. И. Бабий ветер. – М.: Эксмо, 2017. – 320 с.
9. Матвеева, Ю. В. Образ белой русской эмиграции в советском литературном пространстве // Раздел 3. Язык – политика – культура. – Екатеринбург, 2020. – С. 203-208.